

© 1991 г.

ГОЛУБЕВА-МОНАТКИНА Н. И.

**КЛАССИФИКАЦИОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОПРОСОВ И ОТВЕТОВ
ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ**

Классификация считается особым методом познания: знания об объектах и классифицирование этих объектов взаимосвязаны и «безгранично стремятся улучшить друг друга» [1, с. 647]. Классификация и теория являются двумя способами организации знания, задача построения классификации адекватна задаче построения теории [2]. -

Самое трудное при классификации — выделение оснований (критериев) классификации, которые должны базироваться на существенных свойствах и закономерных связях классифицируемых объектов [1, с. 645; 2]. Познавая существенные свойства объектов, мышление познает тем самым общие свойства этих объектов, которые являются основанием для их объединения в классы и подклассы. Познавание существенных свойств объектов и их зависимостей — это познание закономерностей функционирования этих объектов [3]. Вот почему классификации, построенные на основании существенных свойств, способны отражать научные закономерности. Такие классификации могут считаться эффективными, обладающими объяснительной силой.

Лингвисты, логики, философы, социологи решают проблему классификации вопросов и ответов неодинаково; по-разному классифицируются вопросы и ответы также и в пределах одной науки. В целом в научной литературе из множества выявленных оснований классификации вопросов и ответов еще не выбраны те, которые формируются существенными свойствами вопросов и ответов и по которым могут быть построены эффективные классификации. Вместе с тем эффективизация классификации вопросов и ответов необходима для решения научно-практических задач, не решаемых удовлетворительным образом с помощью неэффективных классификаций. Мы полагаем, что искомые классификации вопросов и ответов диалогической речи могут быть построены с опорой на междисциплинарную систему теоретических и эмпирических оснований¹.

Анализ теоретической литературы и языкового материала позволяет выдвинуть гипотезу о существенности для классификации двадцати шести свойств вопросов и двадцати свойств ответов. Эти свойства служат критериями оценки отобранных массивов вопросов и ответов и одновременно классообразующими значениями оснований классификации. Строится матрица вопросов, столбцы которой формируются двадцатью шестью критериями, а строки — двумястами шестидесятью вопросами, и матрица ответов, столбцы которой образуются двадцатью критериями, строки — двумястами вопросами (по каждому критерию вводится соответственно десять вопросов и десять ответов). В связи с большой размерностью обе

¹ Изучение вопросов и ответов не может не быть междисциплинарным. О междисциплинарности исследований межличностной коммуникации см., например [4, с. IX].

матрицы обрабатываются на ЭВМ несколькими математико-статистическими методами, в том числе корреляционным, факторным и кластерным анализом (об этих методах см., например [5]). Лингвистическая интерпретация полученных данных позволила отобрать существенные для классификации свойства вопросов и ответов, отбросить свойства несущественные и, в конечном счете, построить эффективные классификации вопросов и ответов.

Результаты подсчета средних арифметических и величины стандартного отклонения показывают, что в отобранных массивах свойства вопросов и ответов, сами вопросы и ответы, представляющие эти свойства, являются неравноценными — среди них имеются более «сильные» и более «слабые» в классификационном отношении. 87% вопросов способны иметь свойства собственно-вопроса; 53% вопросов — свойства вопроса, в котором все неизвестные компоненты положения дел одинаково неизвестны (*Когда же он придет?*); 52% вопросов — свойства вопроса, в котором альтернативы задаются перечислением (*Каковы должны быть мои первые слова? Товарищи? Граждане? Друзья?*); 44% являются *ты/-вы*-вопросами: 46% вопросов употребляются с вопросительным словом. 44% ответов полностью или частично подтверждают положение дел, представленное в вопросе, и лишь 22% ответов опровергают это положение дел. Последнее согласуется с выводами психологов, социологов о тенденции отвечающих так или иначе соглашаться с тем, о чем спрашивают, и объясняется «навязыванием» (импозицией) [4] спрашивающим отвечающему своего представления о положении дел в мире.

Разные свойства вопросов (ответов) в разной мере различают между собой вопросы (ответы). Так, больше всего разнороден массив вопросов по свойствам вопроса, в котором все неизвестные компоненты положения дел одинаково неизвестны (стандартная мера вариации $s = 0,5$), вопроса, в котором альтернативы задаются перечислением ($s = 0,5$), вопроса с вопросительным словом ($s = 0,499$), *ты/-вы*-вопросов ($s = 0,497$). Массив ответов наиболее разнообразен по свойствам подтверждающего ответа ($s = 0,496$), «свернутого» ответа, т. е. такого, который из-за пропущенных словесных фрагментов непонятен вне данной вопросо-ответной последовательности (С. *Ты можешь сама поешь?* О. *Нет/когда приду //*; С. *И наверное они недорогие / да?* О. *Ну конечно //* Тряпка // ²) ($s = 0,495$), и менее разнороден, например, по свойствам опровергающего ответа ($s = 0,419$), внеситуационной неинформативности (С. *Что ты сказал?* О. *Я сказал то, что я сказал.*) ($s = 0,434$).

Матрицы вопросов и ответов дали возможность выявить корреляции между каждой парой свойств вопросов, каждой парой свойств ответов, каждыми двумя вопросами, каждыми двумя ответами. Наличие связей говорит о том, что данное свойство может выступать в качестве классообразующего значения основания классификации, отсутствие связей — о неприемлемости свойства в таком качестве. Для вопроса, в котором все неизвестные компоненты положения дел одинаково неизвестны, характерно наличие вопросительного слова (коэффициент корреляции $r = 0,616$); зона использования такого вопроса не пересекается с зонами употребления вопроса-констатации данного положения дел (*Тебе наверное не очень удобно/да?*) ($r = -0,439$), вопроса, в котором неизвестен факт наличия или отсутствия действия, состояния, признака (*Павел ушел?*;

² Примеры воспроизведены так, как они зафиксированы в источниках, которые в статье не приводятся.

Павел уехал или не уехал?) ($r = 0,384$), вопроса, в котором один из неизвестных компонентов положения дел наиболее вероятен (*Это кто же сказал? Толик?*) ($r = -0,301$). Один из вопросов, слабо связанных с другими и поэтому не способных служить целям классификации, — это я-вопрос (*Я тебе говорила Ваню утвердили?*), имеющий коэффициент корреляции не выше 0,149. Подтверждающий ответ связан с собственно ответом, т. е. таким, в котором отвечающий так или иначе «обрабатывает» (в частности, опровергает или подтверждает) представление о положении дел, описанное спрашивающим (*С. Джона пригласила на вечер Мери или Джейн? О. Джона пригласила на вечер Мери.*) ($r = 0,510$). Отрицательные коэффициенты корреляции указывают на противоположность подтверждающего ответа опровергающему ($r = -0,482$), нет-ответу ($r = -0,290$), «неответу» (*С. Когда вы родились? О. Сегодня светит солнце.; С. Да кто же это такой? О. Ишь, Штирлиц какой! Не дура, не проболтайся!*) ($r = -0,382$), «вопросительному» ответу (*С. Вернулись холостые? О. На ком жениться мне?*) ($r = -0,281$).

Итак, проверка гипотезы о существенности для классификации двадцати шести свойств вопросов и двадцати свойств ответов обнаружила, что существенны семнадцать свойств вопросов и пятнадцать свойств ответов. Для вопросов — это свойства 1) собственно-вопроса; 2) вопроса, в котором одинаково неизвестны разные компоненты положения дел; 3) вопроса, в котором один из компонентов положения дел наиболее вероятен; 4) вопроса, в котором одинаково неизвестен факт наличия или отсутствия действия, состояния, признака; 5) сопоставляющего вопроса (*А на такси?; А как же тогда?*); 6) уподобляющего вопроса (*И на такси не успеете? = На такси тоже не успеете?*); 7) вопроса-повторения¹ при ответе (*С. Вы убили много львов, мсье Тартарен? О. Много ли я их убил?*); 8) вопроса-констатации данного положения дел; 9) вопроса-констатации противоположного положения дел (*Кто себе зла желает?* „никто себе зла не жалуется“); 10) ты-/вы- вопроса; 11) вопроса с вопросительным словом; 12) вопроса с частью, присоединенной через или (*Вы кашу сейчас хотите/или потом?*); 13) вопросов с вопросительными частицами (*Может ли это быть?*); 14) невозможности ответа *да/нет* на данный вопрос (*Да спать-то, скажи, куда мне положить гостя, а?*); 15) способа задания альтернатив; 16) составного вопроса (*Где находится город Тимбукту и каково его население?*); 17) последовательности (цепочки) вопросов (*Почему он не приехал? Опоздал на поезд?*). Для ответов существенны свойства 1) собственно-ответа; 2) подтверждающего ответа; 3) опровергающего ответа, 4) «выводного» ответа (*С. Ты разбил стекло? О. Стекло разбил Иванов. «стекло разбил не я»; С. Существуют ли металлы, которые легче воды? О. Натрий легче воды. «такие металлы существуют»*); 5) ответа-контактной формы (*С. Что ты говоришь? И он никуда не уезжал? О. Представляешь?*); 6) повторения вопроса при ответе; 7) не знаю ответа, 8) «неответа»; 9) информативной избыточности ответа (*С. Из чего должны быть изготовлены рукавицы? О. Рукавицы должны быть изготовлены из трудновоспламеняемых тканей; должны иметь усилительные и защитные накладки.*); 10) внеситуационной неинформативности; 11) ситуационной неинформативности (*С. Кто построил этот дом? О. Самый богатый человек в городе.*); 12) «вопросительного» ответа; 13) *да*-ответа; 14) *нет*-ответа; 15) «свернутого» ответа.

Для классификации вопросов оказались несущественными свойства вопроса-побуждения к действию, вопроса-контактной формы, вопроса с поясняющим значением (*А Павел, он куда идет?*), я-вопроса, вопросов с отрицательными словами *не, нет*, некодифицированных (*Ты чего су*

против матери идешь?), многоместных (Какие из мальчиков являются братьями каких девочек?), гипотетических (Если бы вам надо было уйти, взяли бы вы с собой зонт?), условных (Если вам надо было уйти, вы брали с собой зонт?). Для ответов несущественны свойства ответа-перечисления (С. Что/разрезать хочешь? О. И разрезать, /и класть корицу и завертывать/), ответ-побуждения к действию, ответов вероятностного (С. Она придет: О. Вероятно.; С. Ты идешь в кино? О. По-видимому, нет.), множественного, т. е. ответа на многоместные и составные вопросы (С. Где и каким образом осуществляется связь между товаропроизводителями? О. На рынке, в процессе обмена.), неcodифицированного (С. Ну, а у вас какие любимые места в Ленинграде-то есть? О. Любимое место вот Парка Победы я всегда интересуюсь посмотреть/).

Факторный анализ выявил те свойства вопросов и ответов, которые оказывают преимущественное влияние на отобранные массивы и которые могут быть положены в основу классификации. Это — свойства собственно-вопроса, свойства несобственно-вопроса, свойства повторения вопроса при ответе. Для собственно-вопросов важны свойства сопоставляющих вопросов, вопросов, в которых неизвестен факт наличия или отсутствия действия, состояния, признака. вопросов, в которых один из неизвестных компонентов положения дел наиболее вероятен, вопросов, в которых все неизвестные компоненты положения дел одинаково неизвестны; для несобственно-вопросов — свойства уподобляющих вопросов, вопросов-констатаций данного положения дел, вопросов-констатаций противоположного положения дел. На отобранный массив ответов преимущественное влияние оказывают свойства собственно-ответов подтверждающего, опровергающего, «выводного» и несобственно-ответов — «неответа», повторения вопроса при ответе, ответа-контактной формы. Обнаружилось также, что существуют вопросы, обладающие свойствами переходными от собственно- к несобственно-вопросам, и ответы, переходные от собственно к несобственно-ответам.

Результаты кластерного анализа в целом подтвердили данные факторного анализа. Свойства вопросов распределились по восьми кластерам (классам): 1) собственно вопрос; 2) вопрос, в котором неизвестен факт наличия или отсутствия действия, состояния, признака, и вопрос, в котором альтернативы задаются перечислением; 3) вопрос, в котором один из неизвестных компонентов положения дел наиболее вероятен, и свойства последовательности (цепочки) вопросов; 4) уподобляющий вопрос и вопрос-констатация данного положения дел; 5) вопрос, в котором все неизвестные компоненты положения дел одинаково неизвестны, и вопрос с вопросительным словом; 6) сопоставляющий вопрос и вопрос с вопросительной частицей; 7) повторение вопроса при ответе и вопрос констатация противоположного положения дел; 8) вопрос с частью, присоединенной через *или*, и составный вопрос. Свойства ответов сгруппировались по семи кластерам: 1) собственно-ответ, подтверждающий ответ и ситуационная неинформативность; 2) *да*-ответ и «свернутый» ответ; 3) опровергающий ответ и *нет*-ответ; 4) «выводной» ответ и информативная избыточность ответа; 5) повторение вопроса при ответе и *не знаю*-ответ; 6) ответ-контактная форма; 7) «неответ», внеситуационная неинформативность, «вопросительный» ответ.

Путем выявления связей между каждыми двумя вопросами внутри каждой из двадцати шести групп вопросов и связей между каждыми двумя ответами внутри каждой из двадцати групп ответов отобраны вопросы и ответы, типичные для каждой из групп. Произведен корреляционный

анализ матрицы двадцати шести типичных вопросов друг с другом и матрицы двадцати типичных ответов друг с другом. Обработка корреляционной матрицы типичных вопросов с помощью факторного анализа показала, что при классификации вопросов необходимо учесть: собственно-вопросы; несобственно-вопросы, вопросы, в которых неизвестен факт наличия или отсутствия действия, состояния, признака; вопросы, в которых все неизвестные компоненты положения дел одинаково неизвестны; сопоставляющие вопросы; вопросы, в которых один из неизвестных компонентов положения дел наиболее вероятен; вопросы с вопросительным словом; вопросы с частью, присоединенной через *или*; вопросы с вопросительными частицами; последовательности (цепочки) вопросов. При факторизации матрицы корреляций типичных ответов выявлено, что для классификации важно принять во внимание подтверждающий и опровергающий собственно ответы, несобственно-ответы, а также «выводные» ответы и *не знаю*-ответы.

Результаты факторного анализа типичных вопросов близки к результатам факторного анализа свойств вопросов — в обоих случаях оказалось, что на отобранный массив из двухсот шестидесяти вопросов влияют характеристики, обусловленные коммуникативной установкой говорящего³. Различие состоит в том, что при факторизации матрицы свойств вопросов выделился критерий повторения вопроса при ответе, а при факторизации матрицы типичных вопросов это влияние позиции говорящего по отношению к адресату, по-видимому, распределилось по разным вопросам и не стало факторообразующим. Результаты факторного анализа типичных ответов в целом совпадают с результатами факторного анализа свойств ответов.

Кластеризация матрицы типичных вопросов в основном подтвердила данные факторного анализа. Вопросы сформировали четыре кластера 1) собственно-вопросы, передающие а) перечислением альтернатив вопрос, в котором неизвестен факт наличия или отсутствия действия, состояния, признака, б) с помощью последовательности (цепочки) вопросов такой вопрос, в котором один из неизвестных компонентов положения дел наиболее вероятен, в) перечислением альтернатив вопрос, в котором все неизвестные компоненты положения дел одинаково неизвестны, г) вопросы сопоставляющие, с вопросительными частицами; 2) вопросы, в которых все неизвестные компоненты положения дел одинаково неизвестны и которые выражены с помощью вопросительного слова; 3) вопросы, переходные от собственно к несобственно-вопросам; 4) несобственно-вопросы.

Кластерный анализ типичных ответов распределил ответы по четырем кластерам: 1) подтверждающий ответ, информативно избыточный ответ и ответ-побуждение к действию; 2) вероятностный ответ, *ДА*-ответ, ответы, имеющие свойства внеситуационной и ситуационной неинформативности; 3) опровергающий ответ, *НЕТ*-ответ, «выводной» ответ, *не знаю*-ответ; 4) ответ-контактная форма, «вопросительный» ответ, повторение вопроса при ответе, «неответ». Эти результаты не противоречат тем, которые получены факторным анализом типичных ответов.

Различия полученных факторным и кластерным анализом класси-

³ Вслед за Д. Узнадзе и М. Гелашвили мы понимаем установку как выражение непосредственной связи системы «субъект — положение дел в мире», как отношение между субъектом и действительностью, которое определяет психофизическую активность субъекта [6].

фикаций объясняются именно различиями примененных методов⁴. В инвариантной части этих классификаций выделяется то общее, что способно быть базой классификации. Кроме того, любая из полученных статистическими методами классификаций может быть улучшена за счет углубления теоретического анализа — в науке известна важность теоретического осмысления эмпирических данных. Вот почему классификации были доразработаны, в них внесены изменения, необходимые для более эффективного согласования эмпирических данных с теорией.

Все вопросы русской диалогической речи разделены на класс собственно-вопросов, класс несобственно-вопросов, класс вопросов, переходных от собственно- к несобственно-вопросам. Собственно-вопросы разделены на следующие подклассы: сопоставляющие вопросы; вопросы, в которых неизвестен факт наличия или отсутствия действия, состояния, признака; вопросы, в которых все неизвестные компоненты положения дел одинаково неизвестны; вопросы, в которых один из неизвестных компонентов положения дел наиболее вероятен. Несобственно-вопросы разделены на подкласс вопросов, констатирующих данное положение дел, и подкласс вопросов, констатирующих противоположное положение дел. Класс вопросов, переходных от собственно- к несобственно-вопросам, представлен уподобляющими вопросами. Возможна также дихотомическая классификация вопросов по основанию, обусловленному позицией одного говорящего по отношению к другому — вопросы делятся на класс вопросов отвечающего, представленный вопросами-повторениями при ответе, и класс вопросов спрашивающего. Эта классификация может быть надстроена над предыдущей, которая в этом случае явится классификацией вопросов спрашивающего.

Все ответы делятся на класс собственно-ответов, класс несобственно-ответов и класс ответов, переходных от собственно- к несобственно-ответам. Собственно-ответы делятся на подкласс подтверждающих ответов и подкласс опровергающих ответов. Несобственно-ответы делятся на подкласс «неответа», подкласс повторения вопроса при ответе, подкласс ответа-контактной формы. Вопросы переходного типа делятся на подкласс «выводных» ответов и подкласс *не знаю*-ответов.

Построенные классификации могут быть названы коммуникативными, поскольку свойства вопросов и ответов, которые послужили классифицирующими значениями оснований классификации, отражают коммуникативные установки говорящего, т. е. спрашивающего и отвечающего.

Классификационное исследование позволило сравнить свойства вопросов и ответов. Во-первых, и для вопросов и для ответов существенны в классификационном отношении те свойства, которые обусловлены коммуникативной установкой говорящего. Во-вторых, общие для вопросов и ответов свойства по-разному важны для классификации: свойство побуждать к действию несущественно ни для вопросов, ни для ответов; свойство устанавливать или поддерживать контакт с собеседником важно для ответа, но не для вопроса; свойство повторения вопроса при ответе значимо и для вопросов и для ответов. В-третьих, имеющие одно и то же свойство вопросы и ответы занимают разное место в классификации: вопросы-повторения при ответе формируют отдельный класс, противопоставленный классам собственно-, несобственно-вопросов и вопросов, переходных от собственно- к несобственно-вопросам, а в классификации

⁴ Более подробное изложение результатов статистической обработки матриц см. в [7].

ответов повторение вопроса при ответе образует подкласс класса несобственно-ответов.

Свойства, формируемые средствами передачи коммуникативной установки говорящего, более важны для вопросов, чем для ответов. Будучи в классификационном отношении несущественными, эти свойства все же оказываются для вопросов «диагностическими признаками» существенных, т. е. коммуникативных, свойств. Это различие свойств вопросов и ответов выявлено при лингвистической интерпретации данных, полученных математико-статистическими методами: сравнение результатов внутригруппового и межгруппового анализа вопросов с результатами соответствующего анализа ответов обнаружило, что ответы меньше различаются друг с другом, более гомогенны, чем вопросы.

Несходство свойств вопросов и ответов проявляется и в том, что вербальные средства передачи коммуникативной установки говорящего менее значимы в ответе, чем в вопросе. Этим объясняется обычность, например, ответов-жестов, ответов «бессловесных, притом кратчайших интонаций» (выражение А. Ф. Лосева [8]), тогда как использование вопросов-жестов вряд ли типично. Большая роль вербальных средств выражения в вопросе, чем в ответе, сделала вопрос более доступным для исследователя, чем ответ. Именно поэтому вопросы изучены лучше, чем ответы, и, в частности, имеется больше классификаций вопросов, чем классификаций ответов. Минимизации роли вербальных средств в ответе обуславливает также то, что предложения, квалифицируемые как «плохие», «аномальные» вне вопросо-ответной последовательности, нередко становятся «хорошими» при употреблении в качестве ответных. Например, аномальное повествовательное предложение *За этот год добыча угля не возросла на 10 миллионов тонн* [9] нормально как ответ на вопрос типа *Скажите же мне, наконец: за этот год добыча угля возросла или не возросла на 10 миллионов тонн?*

Сравнение вопросов и ответов показывает, что информационные свойства более важны для ответов, чем для вопросов. Вопросу свойственна энтропия, ответ же энтропию снимает, содержит информацию [10]. Максимум энтропии содержится в собственно-вопросах, они характеризуют максимальную информационную потребность спрашивающего; минимум энтропии — у несобственно-вопросов, они свидетельствуют о минимальной информационной потребности спрашивающего. Так, вопросы, констатирующие данное или противоположное положение дел, имеют минимальную энтропию, и это приводит некоторых исследователей к мысли о том, что в таких вопросах предвидится ответ. Более точно измерить энтропию вопроса пока не удастся (см. логико-семантический подход к этой проблеме [11], подход с точки зрения степени неизвестности неизвестного [12]). Что касается информации, содержащейся в ответе, она может быть измерена, на наш взгляд, лишь путем соотнесения этой информации с энтропией соответствующего вопроса: информативность ответа может соответствовать энтропии вопроса, превосходить ее или, напротив, быть недостаточной. При этом заметим, что информационные свойства не являются для ответов существенными. Это — «диагностические признаки» коммуникативных свойств ответов (подобно тому, как свойства, обусловленные средствами выражения установки говорящего, служат «диагностическими признаками» коммуникативных свойств вопросов).

Различия вопросов и ответов обусловлены различием их гносеологического статуса. В вопросе представлено два или несколько возможных

миров, которые эпистемологически понимаются как другие варианты видения реального мира⁵. Спрашивающий соотносит эти возможные миры не с действительностью, реальным миром, а один возможный мир с другим или целым рядом возможных миров. эксплицированных в вопросе (*Павел уехал или остался дома?; Каковы должны быть мои первые слова? Товарищи? Граждане? Друзья?*) или не эксплицированных (*Существуют ли единороги? «существуют или не существуют?»; Каковы должны быть мои первые слова?*).

Отсутствие необходимости соотнести с реальным миром «построенные» спрашивающим возможные миры приводит к тому, что в вопросе может идти речь практически о любых, даже самых необычных возможных мирах. Таковы, например, вопросы-софизмы древнегреческих философов Мегарской школы (типа *Перестал ли ты бить своего отца?; Перестал ли ты носить рога?*). Необязательная тождественность возможных миров вопроса реальному миру лежит в основе особой роли вопроса в человеческом познании вообще и в научном познании в частности. На этом свойстве базируются так называемое герменевтическое первенство вопроса [14, с. 426—427], важность вопроса в обучении. Это гносеологическое свойство вопросов, предопределяющее практически все остальные их свойства, позволяет создавать так называемые интеррогативные теории исследования и в частности утверждать, что «любой этап науки задается определенным набором вопросов» [15]. Не случайным в этой связи кажется и то, что исследование вопросов было начато именно философами: вопрос как вид речи выделен Протагором, с помощью вопросов искал истину Сократ, вопрос изучался Платоном.

Соотнесение представленных в вопросе возможных миров с реальным миром производится отвечающим, который нередко выбирает один из миров спрашиваемого: *С. Павел уехал или остался дома? О. Уехал.; С. Существуют ли единороги? О. Не существуют.* Думается, что именно в ответе происходит то сравнение действительности с предложением, о котором писал Витгенштейн, и что именно в ответе говорящий мысленно привязывает пропозицию к реальному миру [16, с. 87]. В гносеологическом аспекте с ответами сходны несобственно-вопросы, которые, как и ответы, соотнесены с действительным положением дел в мире (см. подробнее [17]).

Разная гносеологическая сущность вопроса и ответа приводит к разному решению проблемы их истинности. Почти общепризнанная непродуктивность самой постановки проблемы истинности вопроса предопределена, на наш взгляд, именно несоотнесенностью возможных миров с действительностью (хотя проблема истинности в возможном мире решается, например, в том случае, когда речь идет об истинности пропозиции [16, с. 85]). Проблема истинности ответа решается тривиальным соотнесением положения дел в мире отвечающего с положением дел в мире объективном, мире всех потенциальных отвечающих: при тождестве этих миров ответ истинен, при отсутствии тождества — ложен.

Рассмотрение вопросо-ответной последовательности в аспекте противоречивости показывает, что противоречивость вопроса может считаться

⁵ «„Возможные миры“ моделируют перебор обстоятельств, альтернативных положений дел... Одно дело — реально существующее в мире положение дел, другое — положения дел, допустимые в соответствии с нашим знанием или концептуальным аппаратом, законами логики, принимаемыми гипотезами, нормами и т. д. Особое место занимают положения дел, согласующиеся с нашими установками — желанием, верой, мнением, полаганием, с этическими установками и, наконец, даже с мирами мечты или фантазии» [13].

«доантиномической» — в вопросе лишь фиксируется различие между возможными мирами (*Павел уехал или не уехал?*). В ответе эта противоречивость либо полностью снимается (*С. Павел уехал или не уехал? С. Уехал.*), либо сохраняется, превращаясь в логическое противоречие, антиномию (*С. Павел уехал или не уехал? С. * Уехал или не уехал.*). Эта антиномия преодолима с помощью специальных языковых средств: *С. Павел уехал или не уехал? О. Не знаю.* «не знаю, уехал или не уехал».

Отвечающий более ограничен в выборе положений дел для ответа, чем спрашивающий в выборе возможных миров вопроса. Представляется, что ограничения, налагаемые на спрашивающего, обусловлены преимущественно тем комплексом факторов, которые, по Ю. Д. Апресяну, формируют личную сферу говорящего [18]. Отвечающему же, кроме ограничений своей собственной личной сферы, «навязываются» возможные миры спрашивающего, которые в той или иной мере предопределены личной сферой последнего. Кроме того, отвечающий в силу своей позиции в диалоге имеет «гносеологические обязанности», состоящие в соотношении выбранного положения дел с действительностью.

В ответе может быть выбрано не только одно из положений дел, предложенных спрашивающим (*С. В каком году вы родились? О. В 1914.*), но и положение дел, не тождественное ни одному из возможных миров вопроса (*С. В каком году вы родились? О. Сегодня светит солнце.*). Отвечающий способен построить собственные возможные миры, не соотношенные с действительностью: *С. В каком году вы родились? О. А почему вы хотите об этом узнать?* Такое нарушение гносеологических обязанностей отвечающим нередко оценивают как искажение коммуникативных конвенций: общеизвестен запрет типа «Нельзя (неприлично) отвечать вопросом на вопрос». Этот запрет, однако, касается лишь собственно-вопросов, а несобственно-вопросы, соотносимые говорящим с действительным положением дел, прекрасно служат ответами: *С. Вернулись холостые? О. На ком жениться мне?* «мне не на ком (было) жениться».

Соотнесение выбранного отвечающим положения дел с действительностью происходит на основе общеязыкового метонимического принципа представления целого по части. При этом целым является заданная спрашивающим совокупность возможных миров, частью — положение дел, выбранное отвечающим (*С. Углы квадрата прямые, тупые или острые? С. Углы квадрата прямые.*). Но метонимический принцип действует в том случае, когда выбранное отвечающим положение дел тождественно положению дел, представленному в вопросе, и бездействует при отсутствии такой тождественности. На вопрос *В каком году вы родились?* можно дать «неответ» *Сегодня светит солнце.*, но не ответы типа **Солнце.* или **Воссю светит.* Ср. нормальные вопросо-ответные последовательности: *С. Сегодня у вас солнце? О. Воссю светит.; С. У вас сегодня дождь? О. Солнце.* Именно поэтому приводимый Гегелем ответ мегарского философа Менедема *Я не перестал его бить и никогда к тому же его не бил* [19] на вопрос *Перестал ли ты бить своего отца?* мог быть таким и только таким — Менедем не может употребить *да, нет*, ответить с помощью жеста, поскольку в его мире он (сын) не бьет и не способен бить отца. Отсутствие тождества положений дел в мире спрашивающего и отвечающего вынуждает отвечающего четко вербализовать выбранное им положение дел.

Необходимость построить свои возможные миры и четко их вербализовать делает роль спрашивающего в диалоге более сложной, чем роль отвечающего. Здесь можно найти объяснение тому, что, по словам

Х.-Г. Гадамера [14, с. 427], относится к глубочайшим открытиям сократических диалогов Платона — вопрос труднее ответа.

Задавая вопрос, т. е. строя свои собственные возможные миры, спрашивающий более независим, чем отвечающий, который, выполняя «гносеологические обязанности», лишь выбирает из того, что предлагает спрашивающий. О большей зависимости отвечающего свидетельствует и существование уже упоминавшегося запрета отвечать на вопрос с помощью собственно-вопроса, т. е. запрета отвечающему построить свои, не соотношенные с действительностью возможные миры. Вопрос и ответ, очевидно, обладают неравным «коммуникативным суверенитетом»: вопрос более «независим», чем ответ. Это позволяет сделать вывод об односторонности связи вопроса и ответа в одной и той же вопросо-ответной последовательности — вопрос от ответа не зависит, а ответ от вопроса зависит. Несимметричность связи вопроса и ответа в одной и той же вопросо-ответной последовательности, на наш взгляд, не может быть поставлена под сомнение ни случаями независимых от вопроса ответов (*С. В каком году вы родились? О. Сегодня светит солнце.*), ни ориентированностью спрашивающего и отвечающего на общее для обоих знание — ведь общность знания является необходимым условием успешной коммуникации не только спрашивающего и отвечающего [4]. Вот почему не вполне адекватен языковой действительности тот подход к исследованию вопросов и ответов, при котором вопрос изучается с точки зрения ответа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. М., 1914.
2. Розова С. С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986.
3. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание: О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957.
4. Yokoyama Olga T. Discourse and word order. Amsterdam; Philadelphia, 1986.
5. Гласс Дж., Стэнли Дж. Статистические методы в педагогике и психологии. М., 1976.
6. Гелашвили М. А. К вопросу семантики установки // Металогические исследования. Тбилиси, 1985.
7. Голубева-Монаткина Н. И. Проблема классификации вопросов и ответов диалогической речи: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1990.
8. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М., 1982. С. 22.
9. Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике: Сферы действия логических слов. М., 1985. С. 32.
10. Наумова Л. А. Семантико-методологические проблемы логики вопросов: Дис. ... канд. философ. наук. М., 1988. С. 79—80.
11. Войшицкая Е. К. Попытка семантической интерпретации статистических понятий информации и энтропии // Кибернетику на службу коммунизму. М.; Л., 1966.
12. Брызгунова Е. А. Вводный фонетико-разговорный курс русского языка. М., 1982.
13. Смирнова Е. Д. Логическая семантика и философские основания логики. М., 1986. С. 72.
14. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.
15. Сорина Г. В. К вопросу о построении интеррогативной методологии научного исследования // Проблемы логики и методологии научного познания. М., 1988. С. 34.
16. Vanderveken D. Les actes de discours: Essai de philosophie du langage et de l'esprit sur la signification des énonciations. Liège; Bruxelles, 1988.
17. Голубева-Монаткина Н. И. Вопросы-кентавры (фразеовопросы в диалогической речи) // Фразеографическая параметризация в Машинном фонде русского языка. М., 1990.
18. Апресян Ю. Д. Личная сфера говорящего и наивная модель мира // Семантические аспекты формализации интеллектуальной деятельности: Школа-семинар «Кутаись-85»: Тез. докл. и сообщ. М., 1985.
19. Гегель Г. Лекции по истории философии // Гегель Г. Соч. Т. 10. Кн. 2. XXXIV. М., 1932. С. 99.